

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

А.Л. Юрганов

ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

ЧТО ТАКОЕ "БЛЯДЬ" И КТО ТАКОЙ "БЛЯДИН СЫН" В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В любом языке существует зона табуированной лексики, использование которой в инвективах, направленных против личности, означает, что нарушаются кодифицированные способы разрешения конфликтных ситуаций в социуме¹. В эту "зону" современного русского языка входят - и уже не один век существуют - слова "блядь" и "блядин сын". Между тем указанные инвективы были кодифицированы в средневековой книжности. Их нередко употребляли богословы, деятели Русской Православной церкви. Почему не возникало сомнений в благочестивости того, кто эти слова произносил или употреблял их в письменной форме? Чем объяснить, что по числу упоминаний словосочетание "блядин сын" резко возрастает к середине ХУП в.? Эти вопросы нуждаются в прояснении.

Каждый язык представляет собой определенное миропонимание. Изучение же изменений, которые претерпевают язык со временем, есть история этого миропонимания. "Мыслить исторически, - писал Х.-Г. Гадамер, - значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и с самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением. Пытаться исключить из толкования свои собственные понятия не только невозможно, но и бессмысленно. Ведь истолковать как раз и значит: ввести в игру собственные предпонятия, дабы мнение текста действительно обрело язык"². Семасиологическое изучение лексики источников — символическая история сущности, стоящей за словом, или (по терминологии А.Ф. Лосева) миф этой сущности. Следовательно, познание символического богатства слова, проявляющегося в семантических явлениях лексики, позволяет подойти к изучению истории воплощения смысла идей³, к важнейшей и плохо изученной стороне духовной культуры народа.

Попробуем реконструировать те предпонятия, которые, судя по всему, давали возможность средневековым людям, ничего не стесняясь, их открыто употреблять в текстах и устной речи. Вначале определим то, на чем будет основана эта реконструкция.

Когда историк начинает читать источник - независимо от того, осознает он это или нет, - перед его мысленным взором открываются уже знакомые ему параллельные тексты. Их незримое присутствие помогает понять новый текст. Однако для того, чтобы он был верно осмыслен, необходимо, чтобы все эти тексты были реально связаны между собой - генетически или семантически. Если же таких связей нет, т.е. авторы и читатели "не знакомы" друг с другом, мы получаем

поясное представление о прочитанном. От репертуара ассоциирован-
дух текстов зависит полнота, точность и глубина понимания
прочитанного⁴. К.Г. Юнг, один из крупнейших психиатров XX в., писал:
"Процесс распознавания можно, в сущности, представить как
сравнение и различение с помощью припоминания: если, например, я
вижу огонь, то световое раздражение опосредует мне представление об
огне. Содержащееся в моей памяти бесчисленное множество образов
воспоминаний об огне вступает в связь с только что полученным образом
огня; в результате сравнения и различения с этими образами памяти
возникает знание, то есть окончательная констатация особенностей
только что приобретенного образа. Этот процесс в обиходном языке
называется мышлением"⁵. Именно способ распознавания и отличает
современное мышление от средневекового.

"Естественно, при чтении текстов, возникших в иной культурной
среде (что может объясняться географическими, временными или
социальными факторами), наша память обязательно подведет нас. Она
либо оставит нас "наедине" с новым текстом, либо подставит
"чужой" текст, содержащий те же (или похожие) слова, с которыми
связаны, однако, совершенно иные значения и смыслы"⁶.

Итак, определим базовые значения тех слов, употребление которых
не требовало пояснений, а потому в каждом случае индивидуального их
понимания не возникало ситуации, когда отклонение от "нормы" делало
неконвенциональным сам акт общения. Под базовым значением понимается
такое, которое в самом социуме считалось общепринятым.

Если считать словосочетание "блядин сын" формально вторичным
по отношению к "бляди", то следует обратиться прежде всего к
этимологии данного слова. "Блядь" производна от слова "блуд": в
чешском blud (заблуждение), в польском bbgd (род. п. bLedu) -
"заблуждение"; в словенском blad - "ошибка". Украинское "блудити"
коренится в старославянском; в болгарском - "блъдя", в
сербохорватском "блудити", "блудим": "заблуждаться", "ошибаться".
Слово "блядь" (бляду) возникло из слова "блуд" в результате
перегласовки корня (чередования юсов: большого и малого), или
изменения корневой вокализации⁷.

В старославянском языке X-XI вв. мы видим весьма своеобразное
разделение сфер в использовании слов "блуд" и "блядь". Так, слово
"блядь" мужского рода означало "болтуна", "пустомелю"; женского -
"пустую болтовню", заблуждение, ересь. Производным от "бляди"
(м.р.) было слово "блядник" с тем же значением "болтун", "пустомеля".
Зато слово "блуд" и производные от него слова, такие, как "блудили-
ще" (дом разврата), "блудник" (развратник), "блудница" (развратница),
"блудничество" (сама проституция), "блудолобие" (беспутство), означали
в лексикографируемых своих значениях почти исключительно сферу
телесного разврата.

Несколько иную картину представляют выявленные значения слова
"блядь" в языке русского средневековья: это сложная контамина-

ция, структурные компоненты которой - "ложь", "ересь", "распутная женщина".

Историка не может удовлетворить буквальный, лингвистически точный перевод текста сам по себе. По словам Л.В. Черепнина, это не более чем одно из вспомогательных средств для уяснения исторического смысла источника. Кроме того, невыясненным остается частотное соотношение значений, а выявление структурных основ в употреблении того или иного слова возможно только, если историк увидит системобразующий принцип внутри выявленных значений.

В богословских трудах русских средневековых авторов, отражавших традиционные установки всего конфессионального сообщества, слово "блядь" определялось синонимом "ложь". Но ложь в то время не существовала онтологически, а была тесным образом связана с дьявольским миром и противостояла Правде Истинной, — самому Христу. Протопоп Аввакум писал: "Блядь пишется ложь, правда от Бога, а ложь от дьявола". Таким образом, слово "блядь" — антоним "правды". Если "правда" - это правильный путь для спасения на Страшном Суде, то "блядь" - уклонение от совершения христианином угодной Богу, а не дьяволу, правильной воли, что вполне соотносится с этимологическим значением слова. Сфера дьявольских козней велика и затрагивает почти все, что касается человека: его жизнь, поступки, пристрастия и т.д. Уклонение само по себе тоже рассматривалось как проявление дуалистического начала в христианстве: человек приходит или к Богу, или к дьяволу. В русской культуре "верой христианской" определяли Истину, но не обретаемую, а данную изначально в божьих заповедях, апостольских и священных правилах⁸. Это особенно было значимо в эпоху эсхатологических ожиданий, коими заполнялась сфера духовных переживаний средневекового человека...

Максим Грек выразил отношение догматического богословия к тому, что такое вера христианская и правда. Богословие в то время не могло не воплощать в себе общезначимые для православного мира идеи. Оно выполняло особую функцию по актуализации тех или иных освященных традицией установок. Кроме того, Максим Грек был уверен, что время, в котором он живет, "последнее": вот-вот явится Антихрист, "еже не зело далече есть, но и при дверех уже стоит, яко же божественная писания учат нас, явьственне глаголюща: на осмом веце..." Знамение Антихриста - "преложение язык от непорочныя и правыя христианьския веры на различныя богомерския ереси..."⁹

Христос - "разумное солнце Правды", - сошедший с небес на землю; его "глаголы" - истина во спасение христианам. Но "ныне время", когда "вси уклонишися... от спасительнаго пути евангельских заповедей и апостольских, и отеческих преданий"¹⁰.

Каков же выход?

Единый - уподобляя себя Христу, осуществлять "правду" ради спасения. "Отложим дела тмы, яже суть блуд, чюжеженство и всяка

нечистота плотская, и студодеяние, неправда же и лихоимание, и всяко преслушание и преступление божественных заповедей Спаса Христа". "Оружие света" — это четыре добродетели: "смысл прям", "правда", "мужество" ("не еже телеса низлагает и стены градския разоряет, но душевное сильное и терпеливо противу наводимых нам от бесов и лукавых человек") и "целомудрие" ("соблюдающее нас во всякой святине и преподобстве, и самом святым ангелом соединяюще нас")¹¹.

Разоблачая безбожных агарян, Максим Грек определял "веру христианскую" как самозначимую и единственно возможную Истину, полнота которой - сам Христос: "...да известится, что едина есть истинна и неблазненна и богоугодна вера, яже православным Христианом, евангельская и апостольская". Ученый грек был уверен в том, что любые, даже малейшие изменения в "вере христианской", т.е. в истине, данной божьими заповедями, апостольскими и священными правилами, - не что иное, как измена самому Богу. Он писал: "Вемы бо, вемы известно, и от божественных писаний о сем известихомся, яко же подвигнута нечто малейшее от учений веры, или переменити, превеликих есть отрицание, и жизни вечныя отпадение. И прежде иных свидетель есть сам основатель веры нашей, и всея Истины и Правды начальник, Господь наш Иисус Христос, иже начен боголепное учительство к своим учеником, аки основание крепко и неподвижно того предлагает, еже со всяким прилежанием и хранением многим даже и до малейшия соблюдати Его заповеди неподвижны и непременны"¹². Христос-Судья накажет "неживших по заповедем Его".

Формы воздаяния за грехи напрямую связаны с отношением человека к "вере христианской". Максим Грек выделяет три главные формы наказания:

согрешивших в "законе" христианском будут судить по "евангельскому закону";

согрешивших "злыми делами" православных людей ожидает очистительный огонь адских мук "прежде Суда";

согрешивших вне Истины, т.е. вне веры христианской, ожидает вечная погибель¹³.

Итак, богословская мысль утверждала, что Христос — это Истина и Правда, Истина - в заповеди, Правда - в ее исполнении¹⁴. Неразрывна эта связь, а потому "вера кроме (без) дел благых мертва есть, такожде и дела кроме правыя веры не полезна сбоя"¹⁵.

С.Л. Епифанович отмечал, что в византийском богословии, никогда не отрицавшем благодати¹⁶, существовало иное, чем в Западной Европе¹⁷, воззрение на суть "самовластия" человека: "самое наказание падшего человека... было осуществлено в таких размерах, чтобы нисколько не нарушить величайшего дара Божия человеческому естеству - свободы: оно рассчитано было лишь на то, чтобы побудить его свободную волю к исправлению... и от нас теперь зависит избирать доброе и злое"¹⁸.

На Руси зло рассматривалось не как нечто субстанциональное, имеющее собственное бытие, а лишь как недостаток естественной энергии в свободной воле разумных существ. В неправильном движении душевных сил заключен был первородный грех. Человек не одухотворил и не возвысил своей плоти после грехопадения, а, оторвавшись от Бога, истинного бытия, доверился веществу, которое само по себе - небытие; "вместо того, чтобы стать богом, предпочел стать прахом"¹⁹.

Итак, свобода воли человека, хотя и была ослаблена греховной порчей, но не уничтожилась; злу можно противостоять; склонность ко злу - следствие нерадения человека о душе. Свободная воля - необходимое и первое условие спасения, которое не может осуществляться по принуждению²⁰.

Максим Грек в "слове", посвященном апостолам Петру и Павлу, призывал: "далече себе самех отверзем чюжия бляди", т.е. еретические суждения, которые приводят человека к дьяволу. "Блядь убо явленна и кошунна сицевое безумных неких мудрословие..." К "бляди" относил Максим Грек и наблюдения природных явлений: "А еже глаголеши, яко с небесе сшед, ношаше телеса волуя и скотская на небеса, явлени бляди суть и рождение младенческаи мысли"²¹. Об этом же писалось в Палее Толковой XV в. в отношении "блядства" - слова, производного от "бляди": "О болезнях же и о смертех человеческих мнятся ведяще по звездному течению... Ркоша неверныя чади, нам же убо подобает обличити тех блядства".

Любопытно, что словосочетание "грех блудный", которое в современном языке воспринимается однозначно как грех телесный, Максим Грек наполнил несколько иным содержанием. И это не должно нас удивлять: ведь "блядь" - практически любое отклонение от "прямыны несогрешения", выражаясь языком средневекового схоласта XII в. Ансельма Кентерберийского²².

Проследим за логикой Максима Грека: "Кто кротчайший боговидца Моисея? Но егда виде людей беззаконнавших и Вышняго прогнававших своим их безумием, кротость свою отложив по смотрению, не пощаде старца и юношь, старицу и юнну, но без милости повеле ревнителем закону, левитяном, убивати оружием вся по ряду, аще и сродники суть, аще стары, аще млады, понеже забывше многих и великих Бо-жихих благотворении и чудес, ко идолослужению уклонилися. Такожде да возлюбим ревность, юже по Бозе, Финеесову похвальную, иже ко-пием прободь Замбрия, князя израильтянина и медианитянину на самом гнусодеянии; якоже есть писано: и ста Финеес и угоди, и преста сечь, сиречь еже по Божию гневу истребление людей иудейских. Егда во един день падоша 23 тысящи единого ради греха блуднаго..."²³

Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, "отвратил ярость" Бога от "сынов израилевых" - убил израильтянина Зимри (Замбрия) и мадианитянку, личный грех которых знаменовал собой отступление всего народа иудейского, вступавшего в блуд с дочерьми

язычников, которые приглашали израильтян на языческие жертвоприношения, от Бога Израилева. Основной момент в "грехе блудном" -языческое идолослужение, но Финеес спас свой народ от гнева Господа, нанеся мадианитянке удар копьем в чрево ее.

Как видим, грех блудный - языческое уклонение от Бога. Грех блудный — измена Богу; частный случай такой измены - телесная связь с женщинами язычников.

Сказанное несколько не отрицает того, что под словом "блядь" могли понимать и женщину легкого поведения²⁴, но само это понятие отличалось от современного включенностью в средневековую систему представлений - а это значит, что вина женщины, прежде всего, в том, что она заблудилась и не знает истинного пути спасения. Иначе говоря, "блядь" - всеохватывающая область уклонений от "прямизны несогрешения", и блудница, торгующая своим телом, - лишь частный случай этого уклонения.

Древнерусский язык не был терминологичным. В его семантике можно нередко встретить сложные контаминации схожих в чем-то значений слов, что порой даже предполагало их некую игру, двойное прочтение. А потому грех как таковой представлялся нечистотой: можно сказать, что "жена твоя бляднею утаивше имяне, пойдет замуж" - и тут нет сомнений в том, что подразумевалась прямая ложь; а можно совместить и ложь, и распутство в одном: "Девица бо погубляет красу свою бляднею, а мужество татбою" (Даниил Заточник), предоставив читателю возможность подумать над тем, как ложный путь в жизни приводит "девицу" к распутству, к греху, потому что "краса" тела невозможна без одушевленности, а значит, приверженности Богу.

Гораздо большее место в "бляди" занимало уклонение от "прямизны несогрешения" в неправильном и неверном слове, произнося которое, человек также совершал тяжкий грех, грозящий погубить саму душу. Лексикологи, думается, не случайно фиксируют чрезвычайно богатую палитру "ложнословия". "Блядослов"; "блядословец"; "блядосло-вие"; "блядословник"; "блядословный"; "блядословствовати"²⁵.

Под "ложным словом" понималось как письменное, так и устное. В "Послании" Спиридона-Саввы (до 1523 г.), в котором раскрывается вся легенда о происхождении князей Владимирских и специально говорится о дарах византийского императора Константина Мономаха, сфера лжи, еретичества определяется тем, что "отвержесе Рим, и испаде папа Формос от веры". "И от тех времен лет даже и до сего часа лыгают, от православна веры отпадоша, и наречени быша латина, и х тому не поминается папино имя в церковных преданиих от четырех патриаршеских престол вселенских. Сей бо блядивый Фермос не нарицаем отголе папа, но отступник православныя нашея веры, юже прияхом благовестием Господа нашего Исуса Христа, сына Божия, слова Бога, и святых ученик его проповеданми, и вселенских седми съборов преданми. Сей бо окаянны Формос пресече живоначальныя Троица състав и вве-

де в латинский язык четвертое лицо в божестве, еже исходити духу святому от сына, блядословляша..." Самый страшный грех совершают католики, неверно истолковывающие Троицу. Подобное (католическое) лжесловие, считали на Руси, прямо ведет в ад. И вместе с тем - подобное лжесловие является своеобразным "верхом" блядословия (т.е. хуже - нет ничего).

Итак, Правде истинной противостоит блядь (ложь), иначе говоря - Христу противостоит Дьявол, носитель тьмы, породитель "бляди".

Кто же таков "блядин сын"? Почему в середине XVII в. о нем стали упоминать особенно часто? Почему слова "блядь", "блядин сын" становятся своеобразным "оружием" тех, кто не принял нововведений Никона? Чем объяснить, что произносивший в отношении кого-то эти слова испытывал при этом благочестивые эмоции?..

Известно, что 1666 год был особым. Все русское общество со страхом ожидало наступления Второго Пришествия и Страшного Суда...

В 1648 г. в Москве была напечатана "Книжица или списание о вере православной, о святой церкви восточной, о изряднейших правоверных артикулах, от Божественного Писания, путнаго ради случая, в гонении от нужды собрана". Ее автором был игумен Киево-Михайловского монастыря Нафанаил. В том, что книга была санкционирована; сверху, нет сомнений: сам царский духовник, протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев помогал ее выходу в свет.

"Книга о вере", как ее чаще всего называли современники, вышла значительным для русского средневековья тиражом - 850 экземпляров, который был раскуплен в течение двух месяцев. Составлена книга была уже в 1644 г. и имела явно антиуниатскую направленность. Еще в прошлом веке Э.И. Колужняцкий выявил источники, которые использовал Нафанаил при составлении своей книги. Это прежде всего "Палинодия" (1629), антиуниатское сочинение Захария Копыстенского, архимандрита Киево-Печерской лавры. В "Книге о вере" 30 глав; 11 составлены на основе текста "Палинодии". Нафанаил пользовался и другим сочинением Захария Копыстенского, не зная, правда, кому именно оно принадлежит. "Книга о вере единой, святой, соборной...", появившаяся между 1615 и 1619 г., была подписана псевдонимом "иеромонаха Азариас X". Из этой "Азариевой книги", как ее называли современники, Нафанаил позаимствовал 9 глав. Итак, в целом заимствована 21 глава, но и остальные девять тоже не являются авторским произведением Нафанаила. Глава 1-я воспроизводит мысли, высказанные в "Книге о вере", составленной острожским священником Василием в 1588 г. Главы 2, 7, 8 и 10-я основаны на мыслях, высказанных отчасти в "Палинодии", отчасти в "Апокрисисе" Христофора Филалета. Главы 11-я и последняя 30-я - о Страшном Суде — были составлены на основании многочисленных рукописных сборников, содержащих выписки из разных сочинений, обычно из святоотеческой литературы. Глава 24-я, в которой находим присягу, произнесенную Ипатием Потием и Кирил-

лом Терлецким перед папой Климентом УШ 25 декабря 1595 г., заимствованы из Синописа, напечатанного на польском языке в Вильне в 1632 г. Оказала влияние, конечно, и так называемая Кириллова книга, составленная из сочинений, направленных против иноверцев, и опубликованная в 1644 г. Таким образом, "Книга о вере" - не просто компиляция; она вобрала в себя всю традицию антиуниатских сочинений и отразила основные общественные стереотип²⁶.

В предисловии этой книги определенно ставится главный вопрос: "Дух явственне глаголет, яко в последня времена отступят неции от веры". Уже "послан глад на землю, не глад хлеба, ни жажда воды, но глад неслышания слова Божия". Вот-вот произойдет развязка: "Время последнее, антихристово царство распространяется, и Сам скоро явится..." В последней главе "О Антихристе" особо выделяется часть, имеющая собственное название: "О Правде", под которой автор понимает Христа. "Яко много предотечев, но и Сам уже близ есть по числу, еже о нем 666 - число бо человеческо есть антихристово, кто весть, аще в сих летех 1666-х явственных предотечев его или того самого не укажет, а тот Антихрист человек будет, беззакония сын, и родится, якоже глаголет Ипполит Римский, от девицы нечистыя жидовки суши, от колена Данова, и будет исперва смирен, и добре житие проходя, и сотворит чю-деса не истинною же, но привидением, и все действо диаволе восприимет и абие изникнет и восстанет и возлюбит жида, и возвысит их, а правоверных прелюте изгнати будет, и семь лет, по Ксанфопулу Калли-сту, или пол-4 лета (3,5 года. - А.Ю.), по Зизанию, царствовати будет, и многих прелстит, и отлучит от Правды..."

Антихристом, т.е. противником Христа, можно было быть как по аналогии, так и по существу. По аналогии - значит по подобию, по существу — значит буквально. По аналогии антихрист (с маленькой буквы) тот, кто, например, лжет, говорит неправду, творит всякий блуд. Антихрист по существу - само Зло, он буквально сын Дьвола. У такого Антихриста было еще одно имя "Погибельный сын". Никогда средневековые люди не путали эти понятия. Допустим, если наборщик богослужебного текста ошибся, о нем еще нельзя сказать, что он "погибельный сын", - оснований явно недостаточно, но "блядин сын" - инвектива подходящая. Так, в одном никонианском богослужебнике читаем на полях: "Собакин, блядин сын, худо неисправно печатал зде"²⁷.

Блядин сын всегда рассматривался в определенной связи с погибелным сыном: потому что существовало понятие о "предтечах" Антихриста. Еретики уподоблялись Антихристу; но возможна и другая версия: по наиболее ярко выраженным еретикам судили, каким будет Антихрист. Эта взаимосвязь активно обсуждалась обществом. Так, Аввакум писал (в "Толкованиях псалмов"): "А противник, еже есть антихрист, зачнется от блуда, от жены жидовки, от колена Данова. Мнит ми ся, сам сатана сблудит с нею сим подобием, якоже змий ныне летает к женам, дяволский же дух; и дасться зачатому душа за плоть

материю. А хотя и бусорман сблудит, ино тот же поганец, - духом своим дьявол помажет его, так и стал помазанец. Исперва будет казати-ся людям кроток, и смирен, и милостив, человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я его высмотрел дияволова сына, до мору тово еще, - великий обманщик, блядин сын! Как при духовнике том, Стефане вздыхает, как-то то плачет овчеобразный волк. В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал такой от веку!! А бабы молодые, - простите Бога ради, - и черницы, в палатах у него веременницы, тешат его, великого государя пресквернейшего. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха, всегда весела с воток да с меду; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила. А иные речи блаженно и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду. Простите же меня за сие. И больни тоя безделицы я ведаю, да и плюнуть на все. Слово в слово таков-то и антихрист будет"²⁸.

Интересно, что плевок Аввакума не физиологическая реакция, о которой он случайно вспомнил, а постоянное напоминание о нечистоте самого предмета разговора; Аввакум постоянно плюется, без конца, когда стремится отделить свое благочестие от чего-то ложного, блудного, блядского. (Выражение "плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою!" — повторяется не один раз.) Но обратим внимание на самое интересное упоминание "плевка" в видении Аввакума: «Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешаную, право, видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печальну бывшу и помышляющую, как приидет антихрист, враг последней, и коим образом, да сидя молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на ногах, — сидя, молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: "чего людей много в собрании?". Он же отвеща: "Антихрист грядет; стой, не ужасайся". Я подперся посохом двоерогим своим, протопоповским, стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека, плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хошу бить. Он же мне отвещал: "Что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми..." Да изговоря, пал передо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него, да и очутился, а сам вздрогнул, и поклонился Господеди. Дурно сильно мне стало, ужасно, да нечево на то глядеть. Дурно сильно мне стало... Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядтков (т.е. это царь. - *А.Ю.*) власти, множество, уклонившихся от Правды, захотевших Антихриста) тех ево уже много бешаных собак"²⁹.

Настало время выяснить, кто такие блядины дети (как вариант: выблядки)?

Перед Вторым пришествием "умножится беззаконие". Само это "беззаконие" наполнилось смыслом, когда речь заходила о еретиках, полк которых возглавит Антихрист вкупе с Дьяволом. Однако было бы просто и неинтересно, если бы в данном контексте отсутствовала явная контаминация значений: блядины дети - дети и Великой блудницы (олицетворяющей собой Вселенскую ложь), физическая нечистота которой очевидна, и еретики!

В книге "Толкований псалмов", Аввакум писал, комментируя псалом "Господь на небеси уготова престол Свой и царство Его всеми обладает". Никониане изменили саму грамматическую форму этого текста, "не по разуму говоря". "Его же царству не будет конца, и я на тебя не дивлю, понеже пьян ты, упился еси о жены любодейцы, сидящая на водах многих и ездящи на звери червление. Зело пьяно вино и пьяно питие у блядки. Нарядна вор-блядь; в царской багрянице ездит и из золотой чаши подливает. Упоила римское царство и польское, и многие окресные веси, да и в Русь нашу приехала во 160 году, да царя с царицею напоила: так он пьян стал; с тех мест не проспится; беспрестанно пиет кровь свидетелей Иисусовых. Ну, разумеете, ли про жену ту, чада церковная? Всякая ересь блядина глаголется. У еретиков у всех женская слабость: якоже блудница всякова соквернити жаляет, тако и отступник Никон с товарищи всех тщится перемазать сквернами любодейания своего..." Интересно, что понятие "вор" (воры) отождествляется при том с блядью (блядинами детьми). Словом "вор" в языке русского средневековья обозначался "государственный преступник". Воровство-блядь — покушение на православное царство. "Ни креста Христова в руках нет, ни образа Богородична! По польскому обычаю крыжок из зепи вынявши, и благословлять, смеясь, станешь. Ох воры, блядины дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне да силы, - перерезал бы, что Илья пророк студных и мерских жрецов всех, что собак. А к чему их блюсти! Тушны уже гораздо, упи-талися... Миленькой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке..." Итак, "блядины дети" — "воровское" племя в подлинно православном царстве.

После несостоявшегося конца света в 1666 г. сама православная Церковь стала бороться с эсхатологическими ожиданиями "Дня Господня" во вселенском масштабе. Наступал момент глубочайшей трансформации средневековой духовной жизни. В начале XVIII в. появляются даже специальные сочинения деятелей церкви, в которых уже прямо утверждается, что в ближайшее время Второго пришествия не будет. Не обошлось без знаменательных казусов... Новгородский митрополит Иов, рукописное сочинение которого удалось обнаружить в архиве (текст рукописи и публикации "книги" значительно отличается), обличал тех, кто по "знамениям" судил о "последних временах". Иов отве-

чал на каждое такое знамение - и разоблачал. Увлечшись этим занятием, он допустил и шокирующие вольности при доказательствах того, что Христос во второй раз не явится. Он, видимо, просто придумал некое "последнее, шестое" знамение, суть которого - "обращение всех жидов ко Господу нашему Иисусу Христу. Яко егда жидове уведят о Антихристе, тогда они от всех стран изыдут к нему и совокупятся в Жидовскую землю. И прелстятся антихристову учению, и поклонятся ему. Тогда Илия и Енох исправят их (! — *А.Ю.*). И к вере святой их Мессии истинному приведут (! — *А.Ю.*)"³⁰.

В конце рукописи "Увещание к народу", которое также не вошло в опубликованную книгу, читаем: "...яко избранная чада церкви Христовы примите от меня недостойна пастыря вашего сие увещание и веруйте, яко не прииде еще время пришествия антихристову и кончине мира. Сего покажахом вам от священных писании и от свидетелства отец святых..." Главное - ответить на вопрос: во что же верить, если нет признаков (знамений) скорого пришествия Христова? Иов отвечает: «Смерть коемуждо от нас сотворит кончину века. Почто убо имаем мушение всеу о пришествии антихристовом по кончине мира?.. Но полезнее есть да кийждо... памятствует на последния вещи сия, еже есть Смерть, Суд, геена, Царство Небесное. И взирает на всяк час имание в совесть свою взыскуя покаяние истинное о гресех и готов быти всегда на Смерть (в рукописи слово "смерть" написано с большой буквы. - *А.Ю.*) Не вемы бо когда нас Смерть похитит. Придет, яко тать внезапно и поймет от жизни сея на он век»³¹.

В течение последних десятилетий XVII столетия произошли кардинальные изменения в общественном сознании. Еще в 1648 г. считалось - с отсылкой на текст Нового завета - что День Господень придет "как тать ночью": "и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят" (2-е Петра 3, 10); теперь же явление Дня Господня, к которому христиане обязаны быть всегда готовы, сводилось к индивидуальной смерти.

Вселенский масштаб События сменился личностным.

Чрезвычайно сложно что-то определенное сказать о том, когда эсхатологические категории средневековья окончательно перестали быть актуальными для человека. История анализируемых слов-понятий - уникальный случай, когда сложнейший процесс можно почти с математической точностью датировать. Лексикологи утверждают, что в 30-х годах XVIII в. эти слова "выходят" из книжности и попадают в разряд слов, запрещенных для употребления в книгах, так как означают только само распутство, распутную женщину и производные от них понятия. Так, например, "блядивый" в словаре русского языка XVIII в. фиксируется только в значении "распутный", "блядь" - тоже только распутная женщина и ничего больше, "блядун" - распутник, "блядство", "блядовство" - прелюбодеяние, блуд в физическом смысле и только. В первой четверти XVIII в. в литературе (в печатных текстах) еще

возможна такая контаминация, как "честное блядство", т.е. ухаживание, флирт ("то есть глазолюбность, хотя и многая с неучливой ненависти называют оную честным блядовством"), но затем и это запрещается печатать как непристойное.

В новом времени Правду Истинную уже не ждут, а потому дьявольские козни и порожденные ими "блядства" больше не беспокоят сознание людей глобальной, вселенской катастрофой. Иначе говоря, придание изучаемым словам современного смысла - момент окончательного разрушения средневекового эсхатологического мифа, который продолжал оставаться актуальным лишь для староверов.

Историю еретической мысли в России нельзя рассматривать в отрыве от языковой мифологемы, в которой и при помощи которой так или иначе выражалась смысловая аутентичность средневековья. Без этих слов, ныне табуированных, не может быть написана история идей, коими человек отделял истинное от неистинного...

- ¹ Жельвис В. И.. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- ² Гадамер Г. –Х. Истина и метод. М., 1988. С. 43; см. также: *Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. Иваново, 1994; *Гуревич А. Я.* "Территория историка" // *Одиссей*, 1996. Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 106-107.
- ³ *Камчатное А. М.* Лингвистическая герменевтика. М., 1995. С. 10.
- ⁴ *Юрганов А.Л., Данилевский И.Н.* "Правда" и "вера" русского средневековья // *Одиссей*, 1997. Человек в истории: Культурная история социального. М., 1998. С. 147-148.
- ⁵ *Юнг К.Г.* Структура души // *Проблемы души нашего времени.* М., 1994. С. 113.
- ⁶ *Юрганов А.Л., Данилевский И.Н.* Указ соч. С. 148.
- ⁷ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 177.
- ⁸ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- ⁹ Инок Максима Грека Слово 2-е о том же к благоверным, на богоборца пса Моамефа, в нем же и сказание отъчасти о кончине века сего (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, Б/г. Ч. 1. С. 132-133).
- ¹⁰ Там же. С. 140.
- ¹¹ Там же. С. 144-145.
- ¹² Инок Максима Грека ответы христианом противу агарян, хулящих нашу православную веру христианскую (Там же. С. 162); Инок Максима Грека слово на латинов, яко не деть есть ни единому приложити что, или убавити в божественном исповедании непорочные христианския веры (Там же. С. 245).
- ¹³ Инок Максима Грека слово на армянское зловерие (Там же. С. 186-192).
- ¹⁴ Инок Максима Грека слово о том, яко Промыслом Божиим, а не звездами и клесом счастья, вся человеческая устроятся (Там же. С. 404); Исповедание православной веры Максима инока из Святыя горы (Там же. С. 23-24).
- ¹⁵ Уже в ранний период европейского средневековья христианская церковь не была последовательна во взгляде на нравственную природу человека. Уче-

ние Пелагия, жившего в начале V в., состояло в том, что источник добра и зла заключался в самом человеке, а не в сверхъестественной силе, - это учение было признано церковными соборами еретическим (подробнее см.: *Клибанов А.И.* "Написание о грамоте" // Вопросы религии и атеизма. М. 1955. Вып. 3.

¹⁶ По определению Макария, историка церкви XIX в., благодать Божья - это все то, что "дарует Господь тварям своим без всякой с их стороны заслуги... А потому благодать Божью разделяют: на благодать естественную и сверхъестественную: к естественной относятся все естественные дары Божьи тварям: жизнь, здоровье, разум, свобода, внешнее благосостояние и т.д.; к сверхъестественной - все дары, сообщаемые Богом тварям сверхъестественным образом" (*Макарий.* Православно-догматическое богословие. Изд. 3. СПб., 1868. Т. II. С. 429-450).

¹⁷ В западной религиозной традиции средневековья существовало учение, созданное Августином Блаженным, согласно которому человек полностью потерял свободную волю и без благодати свыше "правильность воли" вернуть невозможно.

¹⁸ *Епифанович С.Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 79, 81-82.

²⁰ Там же. С. 97-98.

²¹ Инокса Максима Грека слово похвальное к святым апостолам Петру и Павлу (Там же. С. 185); Инокса Максима Грека сказание о рукописании греховнем (Там же. С. 535); Инокса Максима грека словеса супротивна противу глав Самуила евреина (Там же. С. 61).

²² *Ансельм Кентерберийский.* О свободном выборе // Соч. М., 1995. С. 199.

²³ Инокса Максима Грека совет к собору православному на Исака жидовина, волхва и чародея и прелестника" (Там же. С. 52).

²⁴ Судебники XV-XVI веков. М.; Л., 1952. С. 384: "А блядам и видмам бесчестия 2 денги против их промыслов".

²⁵ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 250.

²⁶ См.: *Колужняцкий Э.И.* Игумена Нафанаила "Книга о вере", ее источники и значение в истории южнорусской полемической литературы // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1886. Кн. 4, отд. 2. С. 1-36.

²⁷ *Успенский Н.Д.* Коллизии двух богословии в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке // Богословские труды. М., 1975. Т. 13. С. 148-171.

²⁸ *Аввакум.* Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 286.

²⁹ Там же. С. 230-231.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 310. № 658. Л. 645-652 об.-654.

³¹ Там же. Л. 654.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshvsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich

CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
DISCUSSION	58

L.M. Batkm

THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64

P.Yu. Uvarov

JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov

PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86

Martin Dinges

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96

A.Ya. Gurevich

SUMMING UP	125

V.I. Strelkov

NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

Neithard Bulst

THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152

P.V. Krylov

JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186

A.L. Yurganov

FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva

THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333